

Свѣтлыя страницы изъ жизни православно-русскаго духовенства.

На православно-русское духовенство, особенно за послѣднее время, щедро сыпятся разнаго рода обвиненія. Говорятъ, что оно и мало образовано, и грязно, и лѣнливо, и жадно. . Между тѣмъ, современная жизнь духовенства, если на нее, конечно, взглянуть безъ всякихъ предубѣжденій и заранѣе составленныхъ мнѣній, имѣетъ не мало и тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыя невольно успокоиваютъ нашихъ истинныхъ доброжелателей и, ослабляя силу озлобленныхъ выходокъ противъ духовенства, заставляютъ вѣрить въ силу и мощь сословія.

Прекраснымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить между прочимъ, годовая опытъ русско-японской войны. Война выдвинула уже цѣлый рядъ героевъ-священ-

никовъ,—этихъ, по выраженію одного изъ видныхъ участниковъ войны (генерала В. А. Романова), воистину „святыхъ людей, людей не отъ міра сего“... На нихъ мы и остановимъ вниманіе читателей.

Первый герой-пастыръ, обезсмертившій въ настоящую войну свое имя, это священникъ 11-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка о. Стефанъ Щербаковскій. Много писалось о подвигѣ о. Стефана. Но повторять о великихъ дѣлахъ всегда позволительно и всегда полезно, тѣмъ болѣе подвигъ о. Щербаковскаго совершенъ въ такой священной простотѣ и смиренной кротости, съ такой глубокой вѣрой въ промыслъ Божій, съ такою пламенною любовію къ родинѣ и духовнымъ дѣтямъ-солдатамъ, что всегда будетъ вызывать у благодарнаго общества слезу умиленія и подъемъ душевнаго восторга, сколько разъ ни повторялись бы о немъ правдивые рассказы. Вотъ какъ самъ о. Щербаковскій рассказываетъ о памятномъ Тюренченскомъ дѣлѣ 18 апрѣля 1904 года.

„Всталъ я 18 числа рано, въ три часа ночи. Я зналъ, что бой будетъ отчаянный и рѣшилъ исполнить свой пастырскій долгъ до конца, показавъ воинамъ примѣръ самоотверженія и любви своею смертію. Въ четыре часа я помолился Богу, составилъ завѣщаніе и сталъ въ знаменной ротѣ. 11-й полкъ хотя и былъ выстроенъ въ боевой порядокъ, но томился въ бездѣйствіи до 3 часовъ пополудни. Это было самое тяжелое время; невольный страхъ закрадывался въ душу. Было три часа. Въ это время полкъ подъ звуки полкового марша двинулся въ атаку на наступавшихъ японцевъ. Я надѣлъ эпитрахиль, взялъ крестъ, благословилъ солдатъ и съ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“ пошелъ во главѣ стрѣлковъ знаменной роты. Картина была поразительная, грандіозная. Безъ малѣйшаго колебанія шли слав-

ные стрѣлки на вѣрную смерть, въ адскомъ огнѣ, среди рвущихся снарядовъ. Потомъ, взявъ ружья на перевѣсь, они двинулись бѣгомъ на японцевъ. Японцы, не принявъ атаки. Передовыя ихъ части, раздѣлившись, бросились въ стороны, а стоявшіе за ними резервы въ далекомъ разстояніи, съ большой дистанціи открыли такой убійственный огонь, что наши ряды стали сразу таять. Видя, что имъ не добѣжать до японцевъ, стрѣлки наши остановились и залегли. Я остался одинъ позади опередившихъ меня стрѣлковъ, которые лежа стрѣляли по наступающимъ снова японцамъ. Пули и шрапнели сѣяли смерть... Но вотъ офицеры, не выбывшіе изъ строя, подняли на ноги своихъ стрѣлковъ, такъ какъ японцы снова приблизились. Полковой оркестръ выстроился и заигралъ „Боже, Царя храни“. Подъ звуки народнаго гимна, полкъ, лишившійся уже многихъ офицеровъ, съ ружьями на перевѣсь, снова двинулся въ атаку. Я, передъ тѣмъ опустившись на колѣни, всталъ и присоединился къ полку. Я сознавалъ и чувствовалъ, что надо идти со своими дальше, во что бы то ни стало. Среди солдатъ я не замѣтилъ ни малѣйшаго колебанія. Только каждый предъ тѣмъ, какъ двинулся въ бой крестился. Это вторую молодецкую атаку я запомнилъ хорошо, т. е. вѣрнѣе сказать, моментъ ея начала. Потомъ все смѣшалось. Музыка тотчасъ же смолкла. Кто побѣждалъ впередъ, кто упалъ убитымъ или раненымъ. Я почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ руку и въ ногу, и упалъ навзничь, потерявъ сознаніе. Когда я очнулся, наши отступали. Церковникъ мой Перчь подбѣжалъ ко мнѣ. Когда я открылъ глаза, увидалъ его рыдающимъ, онъ помогъ мнѣ подняться и повелъ подъ огонь назадъ. Стрѣлокъ охотничьей команды присоединился къ намъ и также поддерживалъ меня раненаго... Пройдя около 2¹/₂ версты пѣш-

комъ, я былъ перевязанъ и помѣщенъ въ лазаретную по-
возку, изъ которой затѣмъ пересѣлъ въ полковой экипажъ“.
Затѣмъ о. Щербаковскій былъ отправленъ на излеченіе въ
Харбинь, мечталъ о возвращеніи въ полкъ и на вопросъ:
„пойдетъ ли снова въ атаку на японцевъ?“ скромно отвѣ-
чалъ, что пойдетъ, если это нужно будетъ. „Вѣдь это обя-
занность“, — присовокуплялъ онъ¹⁾!

„Пусть военные стратеги, — пишетъ В. Скворцовъ въ
своемъ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“, оцѣнивають значе-
ніе подвига о. Щербаковскаго для подъема духа войска,
для исхода тюренченскаго сраженія и пр. Но для насъ
геройскій поступокъ о. Стефана имѣетъ свое особенное
значеніе, какъ отрадное свидѣтельство того, что еще мо-
гучъ въ нашемъ духовенствѣ выстраданный, выношенный
вѣками, традиціонный духъ мужества, христіанскаго само-
отверженія и патриотическаго подвижничества во имя
долга службы. Что бы ни говорили объ упадкѣ духа въ
современномъ духовенствѣ, о разстройствѣ нашей духов-
ной школы, но вотъ это геройство молодого іерея, сына
нашего времени, питомца теперешней школы, повелительно
утверждаетъ, что сила вѣры, крѣпость духа нашихъ
отцовъ въ общемъ благополучно пронесена черезъ всѣ
горнила жизненныхъ невзгодъ и искушеній, пережитыхъ
и переживаемыхъ духовенствомъ, и сохранена и передана,

1) Корреспонденты нашихъ и заграничныхъ газетъ тотчасъ же от-
мѣтили подвигъ о. Щербаковскаго и соообщили его біографію. О. Сте-
фанъ еще молодой человѣкъ: онъ окончилъ курсъ Одесской семинаріи
въ 1896 году, былъ сначала псаломщикомъ, а затѣмъ сельскимъ
священникомъ въ Херсонской губ.; въ 1901-мъ году назначенъ свя-
щенникомъ 19-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка; въ 1903 г.
переведенъ въ 11-й полкъ. Замѣчательно, что жена о. Щербаковскаго
во время тюренченскаго боя была тоже на Дальнемъ Востокѣ, рабо-
тая въ качествѣ „сестры милосердія“ въ одномъ изъ отрядовъ
„Краснаго Креста“.

какъ безцѣнное наслѣдіе, ихъ дѣтямъ — современному поколѣнію православныхъ священниковъ“. (1904 г. т. 1, стр. 1333-я).

Примѣръ о. Щербаковского въ настоящую войну далеко не единственный. Могучій подъемъ духа, геройское подвижничество въ духѣ христіанскаго смиренія и беззаветной любви къ ближнему проявлены уже многими достойными представителями нашего духовенства, подвизающимися на войнѣ.

Въ длинномъ ряду этихъ народныхъ героевъ, первымъ по времени, долженъ быть помянуть о. іеромонахъ Алексій, погибшій вмѣстѣ съ незабвеннымъ флотоводцемъ С. О. Макаровымъ 31 марта 1904 г. на „Петропавловскѣ“ и своею славною смертію запечатлѣвшій вѣрность православнаго священника своему пастырскому и патріотическому долгу.

„Когда начнутся дѣйствія, мой полкъ первымъ двинется на непріятеля,—писаль одинъ изъ полковыхъ священниковъ въ частномъ письмѣ, конечно и я. Я увѣренъ, что если жизнь моя нужна для другихъ, Господь сохранитъ меня. Если же я лягу костью на бранномъ полѣ, не оставьте меня въ своихъ молитвахъ. Знайте тогда, что шелъ я на смерть, не страшась ея, съ однимъ желаніемъ: своими трудами, а если нужно, и жизнію внести маленькую лепту въ ту громадную жертву, которую приносятъ теперь русское воинство за свою родину.“ (Церк. Вѣстн.)

Въ срединѣ мая 1904 г. изъ Харькова отбылъ на Дальній Востокъ 122-й Тамбовскій пѣхотный полкъ. Не задолго предъ походомъ въ эту часть былъ назначенъ новый священникъ о. Александръ Любомудровъ, человекъ сильной энергіи и воли. Предъ выступленіемъ изъ Харь-

кова онъ обратился къ бригадѣ, состоящей изъ помяну-
таго и 121-го Пензенскаго полковъ, съ проповѣдью. Въ
газетахъ тогда было единодушно отмѣчено, что воодушев-
ленная, горячая рѣчь пастыря произвела на воиновъ
потрясающее впечатлѣніе. Слово свое говорилъ онъ на
площади, говорилъ страстно, зажигая всѣхъ своимъ по-
рывомъ, своею готовностію идти и побѣждать. Всѣ сердца
загорѣлись отъ его словъ, а одинъ солдатъ не выдержалъ
и закричалъ изъ строя: „постараемся, батюшка!“—Черезъ
два мѣсяца, 16—18 іюля тамбовцы участвовали уже въ
сраженіи на Юшунлинскомъ перевалѣ. Въ теченіе 16-ти
часовъ полкъ оставался на позиціи, отбивая отчаянныя
атаки въ три или четыре раза превосходящаго непріятеля,
цѣлый день оставаясь безъ пищи. Много было раненыхъ
и убитыхъ. Въ числѣ ихъ былъ и о. Любомудровъ. О
немъ въ телеграммахъ было отмѣчено: свящ. о. Але-
ксандръ Любомудровъ умеръ отъ ранъ; онъ поступилъ
въ Тамбовскій полкъ предъ самымъ выступленіемъ въ
походъ и біографическихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ“...

Во время морского боя 28 іюля нашей Портъ-Артур-
ской эскадры іеромонахъ крейсера „Аскольдъ“, о. Порфи-
рій подъ градомъ снарядовъ, приносившихъ смерть и раз-
рушеніе, геройски ходилъ по верхней палубѣ съ крестомъ,
благословляя виновъ.

Не менѣе геройски вели себя и священнослужители
крейсеровъ „Россія“ и „Громобой“—о.о. Θεодосій Станке-
вичъ и Георгій Θεодоровъ, а также іеромонахъ Алексій
(Оконешниковъ)—съ несчастнаго „Рюрика“, во время боя
Владивостокской эскадры 2 августа. Вотъ какъ описы-
ваетъ этотъ героизмъ самъ о. Алексій. „Съ открытіемъ
боя,—говоритъ онъ,—я началъ было исповѣдывать ране-
ныхъ, но скоро долженъ былъ оставить это дѣло. Я спу-

стился въ лазаретъ, наполнилъ карманы подрясника бинтами и сталъ ходить по верхней и батарейной палубамъ и дѣлалъ перевязки. Услышавъ, что раненъ командиръ, я побѣжалъ къ нему и нашелъ его лежащимъ въ боевой рубкѣ и истекающимъ кровью. Къ счастью, близко нашлась вода, я омылъ раны и перевязалъ ихъ.. Послѣднимъ запасомъ марли я сдѣлалъ еще нѣсколько перевязокъ и пошелъ было въ лазаретъ за марлей; спустился на батарейную палубу, тамъ ужасный пожаръ; навстрѣчу бѣжить лейтенантъ П., вдвоемъ съ нимъ мы взялись тушить пожаръ и потушили“...

Разрывомъ снаряда о. Алексія отбросило съ такой силой, что пробилъ головой парусинную стѣнку. отчего лишился сознанія. Придя въ себя я,—продолжаетъ о. Алексій,—побѣжалъ въ кормовое отдѣленіе. Здѣсь два или три комендора стрѣляли изъ одного орудія; снаряды подавать было некому, я взялся помогать комендорамъ. Узнавъ, что взорвать судно нельзя, лейтенантъ И. отдалъ приказъ открыть кингстоны и распорядился выносить раненыхъ, привязывать къ койкамъ и бросать за бортъ. Видя это, я пошелъ исповѣдывать умирающихъ: они лежали на трехъ налубахъ по всѣмъ направленіямъ. Среди массы труповъ, среди оторванныхъ человѣческихъ рукъ и ногъ, среди крови и стоновъ. я сталъ дѣлать общую исповѣдь. Она была потрясающа: кто крестился, кто протягивалъ руки, кто, не будучи въ состояніи двигаться. смотрѣлъ на меня широко раскрытыми полными слезъ глазами.. Картина была ужасная.. Крейсеръ погружался. Когда я вышелъ на верхнюю палубу, на водѣ было много плавающихъ. Лейтенантъ И. не едалъ мнѣ спасательный кругъ и совѣтовалъ скорѣе оставить судно. Я сталъ раздѣвать тяжело раненыхъ... Раздѣвъ офицеровъ, сталъ раздѣваться самъ... Я

бросился въ воду, кругъ мой перехватилъ тонувшій матросъ, я началъ было опускаться, но нырнулъ и увидѣлъ около себя плавающую койку, за которую и ухватился“...

Изъ воды о. Алексій былъ вынутъ японцами. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Японіи онъ черезъ Китай возвратился въ Россію и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, дѣлалъ доклады въ разныхъ собраніяхъ о своихъ приключеніяхъ.

Въ своемъ полномъ захватывающаго интереса „Дневникъ корреспондента“ (печатается въ „Русскомъ Словѣ“) В. И. Немировичъ—Данченко съ особенною любовію и свойственною писателю художественностью отмѣчаетъ цѣлый рядъ героевъ—священниковъ, прошедшихъ предъ его глазами въ теченіе перваго года войны.

„Нажитый на войнѣ острый суставный ревматизмъ выгналъ меня,—пишетъ Немировичъ—Данченко,—на вѣсколько недѣль на югъ, къ теплому лазурному морю, чтобъ вылечиться, прежде чѣмъ опять вернуться на боевую страду. Какъ часто здѣсь, разсѣянно любуюсь голубою далью и слушая ритмическій прибой неугомонныхъ волнъ, я ухожу мыслію назадъ,—въ эти санитарные поѣзда, въ госпитали, переполненные страдальцами, на длинныя манчжурскія дороги, на которыхъ корчатся въ агоніи оставленныя жертвы, и всякій разъ передо мною, въ трогательной простотѣ своей, встаютъ знакомые облики героевъ—пастырей, давно переставшихъ быть византійскими попами и ставшихъ священниками Бога живаго. Однихъ изъ нихъ ужъ нѣтъ. Уцѣлѣютъ ли другіе? А вѣющій силою, свѣжестію и бодростію морской вѣтеръ, шевеля флаги и срывая пѣну съ несущихся издали зеленыхъ гребней, точно нашептываетъ: вѣрь и радуйся; нива бытія велика и богата, въ ней зрѣетъ много здоровыхъ сѣмянъ, которыя,

— погоди немного, — дадутъ и твоей родинѣ обильную жатву... Умѣй только полить эту ниву своимъ потомъ и кровью“ ..

„Разумѣется, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ „Дневника“ тотъ же писатель, — не мало было и противоположныхъ типовъ. Я до сихъ поръ не могу забыть попа изъ чиновниковъ, пріѣхавшаго со всѣми удобствами, и даже съ женою, въ великолѣпномъ поѣздѣ. Этотъ смотрѣлъ на войну, какъ на канцелярію. Впрочемъ нѣтъ, — въ канцелярію надо являться, все-таки хоть входящія исходящими оправдать, отписываться и подшивать мертвую бумагу въ мертвую синюю обложку, — ну, а этотъ изъ купе никуда и не показывался. Пріѣзжалъ главнокомандующій, онъ выходилъ, служилъ, но только что тотъ исчезалъ въ сторонѣ, и отъ попа высокопоставленнаго поѣзда не оставалось и слѣда. Кругомъ грязь, слякоть, вонь, больные и раненые... То ли дѣло въ купе: и сухо и тепло, и пріятная бесѣда съ женою и винтъ съ такими же, какъ и онъ, страстотерпцами. Зачѣмъ подобныя являются сюда? — спрашивали кругомъ. „Меня дешевле Владимира купить нельзя!“ — какъ будто нарочно слышалось изъ удобнаго купе“. Къ счастью, это были исключенія...

Съ особенною теплотою Немировичъ вспоминаетъ имена священниковъ: Курлова, Милованова, о. Георгія (изъ 33-го полка) и Евѳерія Макаренко. Мы остановимся на подвигахъ Милованова и Макаренко, — рассказывать будемъ по возможности словами Немировича (въ сокращенномъ, конечно, видѣ).

Съ Миловановымъ, — пишетъ Немировичъ, — впервые свела меня судьба во время нашего отступленія изъ-подъ какой-то деревни... Множество раненыхъ лежало по дорогѣ... Санитары выбивались изъ силъ... Надъ однимъ

изъ такихъ, вижу, бѣлая фигура. Кто-то точно въ чухлѣ. Меня поразило характерное, если хотите, даже строгое лицо, сквозь правильныя черты котораго точно льется невидимо потокъ душевной доброты... Около меня сестра милосердія.

— Кто это у васъ?

— Нашъ священникъ... Миловановъ.

Познакомиться было некогда. Онъ и исповѣдовалъ и причащаль, и перевязываль раны, и какъ носильщикъ, таскаль несчастныхъ въ вагоны. Бѣгалъ куда-то, возвращался съ водой, ни на секунду не складываль преворныхъ, неумоимыхъ рукъ. Надо было слышать, какъ онъ говорилъ со страдальцами, сколько чисто женственной нѣжности было иногда въ этомъ голосѣ, крѣпнувшемъ часто въ металлическія ноты тамъ, гдѣ надо было влить эвергію въ ослабѣвшее сердце. Такъ и сказывался настоящій человѣкъ!.. Нѣсколько недѣль послѣ мы отступали изъ-подъ Айседзяна. Также картина, тѣже страданія.. У меня тогда было купе въ Спиридоновскомъ поѣздѣ. Поѣздъ стоялъ, а рядомъ съ нимъ стоялъ другой, санитарный. Смотрю въ окно и вижу все того же священника Милованова, въ томъ бѣломъ больничномъ чухлѣ и такъ же не складывая рукъ работающаго надъ ранеными... Когда я вышла, мнѣ попалась знакомая „сестра“.

— Что вашъ священникъ отдыхаетъ когда-нибудь?

— Если раненыхъ нѣтъ,—да.

— А обыкновенно?

— Обыкновенно,—когда же ему? Онъ и носильщикъ, и санитаръ, и фельдшеръ, и докторъ. Только его и видишь на страдѣ. Надѣнетъ бѣлый халатъ,—и кончено. И пищу раздаеть, и поить, и разговариваетъ. Въ вагонахъ съ опасно ранеными проводить цѣлыя ночи. Не даетъ бѣднягамъ духомъ падать. Его и звать къ нимъ не приходится,

— точно угадываетъ, что онъ нуженъ. Случается, цѣлыми часами у одной и той же постели проводить безотходно время. Фельдшеръ, сестра заморятся, заснутъ, — только не онъ...

У такихъ людей, — я не знаю, во взглядѣ или въ голосѣ, — есть нѣчто завоевывающее чужую душу. Утѣшенія имъ наполняютъ обреченнаго на смерть чувствомъ надежды, вѣрою во что-то великое, счастливое, безконечное и, вмѣсто того, чтобъ съ отчаяніемъ цѣпляться за отходящую жизнь, умирающій, улыбаясь, встрѣчаетъ послѣднія минуты... Потомъ мнѣ часто случалось встрѣчаться съ Миловановымъ. Въ немъ меня поразили широкіе, просвѣщенные взгляды, большое знаніе народа и его ведуговъ, острое, неудержимое стремленіе къ просвѣщенію и нравственному подъему темныхъ и духовно-голодныхъ массъ. Слушая его, я часто думалъ, настанетъ ли свѣтлая пора, когда во главѣ духовной іерархіи будутъ такіе Курловъ, Миловановъ, имена же ихъ ты, Господи, вѣси! Какъ легко заживется тогда паствѣ и какъ не трудно будетъ намъ столковаться съ ними, чтобъ идти къ общему, одинаково намъ повимаемому, благу!...

Переходя въ особой главѣ „Дневника“ къ портрету о. Евѣерія Макаренко, В. И. Немировичъ говоритъ: „мнѣ осталось еще одно воспоминаніе о „мужицкомъ попѣ“, о священникѣ — добровольцѣ, явившемся сюда изъ глухой сибирской деревни, пожалуй, никогда и не переѣзжавшемъ за камень (Ураль), въ далекую и незнакомую ему Россію. Это о. Евѣерій¹⁾ Макаренко. Я думаю, такихъ мимо васъ, въ странствіяхъ по глухимъ пустырямъ и заюулкамъ, проходитъ много, и никогда они на себѣ вашего

¹⁾ Вѣроятно. Евѣерій, — имени Евѣерій нѣтъ. Тѣмъ не менѣе мы нашли болѣе удобнымъ вездѣ писать имя такъ, какъ пишетъ Немировичъ.

взгляда не останавливаютъ... Макаренко жилъ въ одномъ изъ самыхъ забытыхъ и бѣдныхъ селъ Барнаульскаго уѣзда. Приходъ былъ убогій и Макаренко, вѣрно, приходилось, какъ любому его сосѣду—мужику такъ же въ потѣ лица обрабатывать землю, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ духовныхъ сыновей, ни наружностію, ни приѣмами. Когда началась война, какъ они ни были сами несчастны, заброшены, забыты, а рѣшили послужить Божьему дѣлу, собрать и отправить въ Манчжурію походную церковь. Вся она помѣстилась въ одномъ возу и обошлась недорого, потому что до послѣдней мелочи сдѣлана тѣмъ же о. Евѣеріемъ, который на этомъ возу и самъ пріѣхалъ, правя лохматой сибирской лошаденкой, настоящимъ мухортикомъ, несмотря на всю свою непредставительность, одолѣвшею не одну тысячу верстъ. Когда эту церковь собрали и поставили, сосѣди изъ „Краснаго Креста“ изумились,—до того она была удобна, изящна...

— Кто же это вамъ вырѣзалъ?

— Я и моя семья.

— А рисовалъ?

— Мы же.. Чтожь тутъ...

— Да вѣдь это художественная работа... Особенно образа!..

— Извините .. Какъ счумѣлъ...

Съ этого времени началось боевое подвижничество этого въ полномъ смыслѣ слова человѣка на войнѣ. Онъ былъ неотдѣлимъ отъ своей церковки, и гдѣ видѣли о. Евѣерія, тамъ непременно оказывалась и она. Самъ ее соберетъ, сложить на тотъ же возъ, запряжетъ того же мухортика, и доѣдетъ съ нею, куда нужно. А такъ какъ Макаренко, кромѣ передовыхъ позицій, другихъ не зналъ, то и самодѣльный храмикъ его позади не оставался.

Гдѣ люди падали подѣ непріятельскими пулями, кровью исходили отъ устали, умирали сотнями, тысячами,—тамъ же, въ самомъ пеклѣ, какъ часовсй на своемъ мѣстѣ, непремѣнно пребывалъ и о. Евѳерій. Замолкнетъ бой, онъ начинаетъ свою службу, какъ священникъ предѣ алтаремъ. Начнется, идетъ въ цѣпь, какъ санитаръ, фельдшеръ и иной разъ, какъ докторъ. Должно быть, у себя, въ сибирской глуши, желая быть полезнымъ темному люду, онъ обучился многому, и это многое умѣлъ блстро, кстатн прикладывать къ дѣлу... Какъ бы при больномъ и раненомъ ни была черна и грязна работа, онъ самъ, непрощенный и незванный шелъ на нее и не успокоивался, пока не приводилъ ее къ концу. Устали на него не было. Не доѣстъ, не допьетъ, а непремѣнно окажется тамъ, гдѣ всего тяжелѣе и невыносимѣе людямъ, и при этомъ все онъ обставлялъ такъ, что его личность была какъ-то незамѣтна. Точно опъ весь до тла расходился въ самомъ дѣлѣ, пропадалъ въ немъ... Куда онъ ни являлся, вездѣ оказывался крайне необходимымъ, и не только необходимымъ, но и незамѣнимымъ. „Нѣтъ, па мѣсто батюшки некого поставить“, говорили солдаты. Въ двѣ руки, а за десятокъ работаетъ. Никому за нимъ не угнаться. И при этомъ ни натуги въ лицѣ, ни раздраженія. Нѣтъ этого: „ахъ, оставьте меня, пожалуйста; видите, я дѣло дѣлаю“. Въ самой кипени дастъ отвѣтъ, объяснить, что надо, оторвется къ другой нуждѣ, исполнить ее, и опять доканчиваетъ свое... Однажды отрядъ Самсонова стоялъ тамъ, гдѣ одна только и была вода-соленая. О. Евѳерій ухитрился все время возить прѣсную воду изъ-подѣ Дашичао.. По ночамъ доставляли транспорты съ ранеными,—послѣ цѣлаго дня возни съ такими же, о. Евѳерій тутъ какъ тутъ. Подоткнетъ рясу, точно баба подоль, и моетъ полы въ перевязочной.

— Батюшка, идите, отдохните...

— Нельзя... Чистота нужна. Особенно здѣсь. Рань-
то открывать будутъ.

— Да вы устали.

— Въ могилѣ выспимся. Долго спать будемъ.

— Да зачѣмъ вы сами это?

— Всѣ измучились... А я видѣть грязи не могу...

Веселый, разговорчивый, особенно съ солдатами, и тѣ его съ перваго слова понимали.

— Какой ты отецъ?—говорилъ ему одинъ такой.—
Ты настоящая мать... Только мать такъ сына жалѣетъ...

Бросая еще разъ общій взглядъ на обрисованныхъ героевъ—священниковъ, Немировичъ посвящаетъ имъ слѣдующія теплыя строки: „Чѣмъ дальше отходишь отъ нихъ, тѣмъ ярче и выпуклѣе кажутся эти человѣки на войнѣ. Какъ-то вдругъ выступаютъ изъ фона и ужъ его заслоняютъ собою. Тамъ былъ съ ними и не видѣлъ ихъ, такіе кругомъ павлины красовались, гдѣ же изъ-за ихъ распущенныхъ хвостовъ замѣтить этихъ невидныхъ тружениковъ! А теперь павлиновъ точно смело куда-то, и отъ нихъ вдругъ показались Курловы, Миловановы, Макаренко, и, совершенно точно со стороны. нежданная, является мысль: а вѣдь ихъ, этихъ „людей“ вовсе не такъ ужъ мало... Сколько билось кругомъ чудесныхъ сердець, только музыки этой тамъ въ свистѣ, грохотѣ и трескѣ не слышалъ. А сюда не ураганъ боевой, а именно ихъ скромные голоса доносятся, и тепломъ вѣетъ отъ этихъ воспоминаній“...

Органы періодической печати и писатели разныхъ направ-
леній, останавливаясь на христіанскомъ подвижничествѣ
героевъ—пастырей, даютъ общую характеристику явленія,

рисуютъ, такъ сказать, философскую сторону вопроса. Одинъ изъ епархіальныхъ органовъ пишетъ: „Можно порадоваться за нашу армію, за нашихъ страждующихъ воиновъ, такъ какъ большинство изъ нихъ имѣютъ, одни — молитвенное утѣшеніе въ своихъ страданіяхъ, другіе — возможность предсмертнаго покаянія и причастія Тѣла и Крови Христовой отъ достойныхъ пастырей православной церкви. Русскій народъ идетъ въ бой не только за Царя и Отечество, но и за вѣру православную. Этотъ элементъ борьбы за вѣру долженъ сіять особенно ярко въ текущую войну, такъ какъ мы ведемъ ее съ язычниками и язычниками гордыми, самоувѣренными и воинствующими. Побѣда надъ врагомъ въ эту войну также будетъ несомнѣнно и Христовой побѣдой. Конечно, все это знаютъ наши духовные пастыри и эта сторона войны не можетъ не воодушевлять ихъ въ ихъ тяжеломъ подвигѣ“ (Таврич. Еп. Вѣд. 1905 г. № 2-й).

„Какъ много все это говоритъ уму и сердцу учительнаго и отраднаго.—пишетъ В. М. Скворцовъ. Какимъ духовенство было ранѣе, такимъ оно остается въ большинствѣ и теперь, въ силу своего воспитанія, призванія и служенія. Доблестныя черты духа, каковы: мужество, безстрашіе, самоотверженіе, терпѣніе, твердость и выносливость.—въ духовномъ сословіи выношены и выдѣлены характеромъ самого пастырскаго служенія и сложившимися условіями историческаго быта духовенства. Кромѣ пастырей—духовниковъ никто изъ профессионаловъ, даже врачи, такъ много и часто не обращаются съ людскими болѣзнями и человѣческими страданіями духа и тѣла, никто такъ близко не соприкасается съ людьми въ страшные и таинственные моменты жизни и смерти, никто такъ не видитъ и не изучаетъ душу и сердце

людей въ ихъ тайникахъ, въ наготѣ и въ такіе моменты, когда человѣкъ стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ, въ нѣмомъ оцѣпененіи предъ таинственной завѣсой будущей жизни. съ роковымъ вопросомъ: „быть или не быть“. Здѣсь человѣку некогда и некуда таиться, рядиться и прятаться отъ своего невѣрія или вѣры, отъ своихъ грѣховъ и заблужденій,—тутъ одно пламенное желаніе совлечься ветхаго человѣка и обновиться въ очахъ Божіихъ. Вотъ гдѣ та жизненная школа, которая воспитываетъ пастырей—подвижниковъ и охраняетъ геройскія черты духа и характера нашего священства... Да, несомнѣнно, въ нашемъ пастырствѣ живетъ геройскій подвижническій духъ, прежде всего, конечно, свыше съ неба возжигаемый чрезъ хиротонію въ душѣ ставленниковъ, достойно принимающихъ дары благодати священства, „немогущая врачующей и оскудѣвающая восполняющей“, съ другой стороны, воспринимаемой отъ земли, изъ нѣдръ духа геройскаго нашего народа, изъ пастырской служебной и житейской школы“ (Миссіон. Обозр. 1904 г. № 10-й).

„Насъ восхищаютъ и умиляютъ подвиги героевъ въ нашемъ войскѣ,—разсуждаетъ одна свѣтская петербургская газета,—но не удивляютъ, ибо они, такъ сказать, въ давнишнихъ нравахъ нашей всенной семьи, нашего народа. Не тоже ли самое надо сказать о подвигахъ героизма, являемыхъ смиренными полковыми священниками на далекой окраинѣ?.. Огромная военная русская семья охраняетъ нашу внѣшнюю и нашу внутреннюю безопасность. Но семья священниковъ охраняетъ ее, надо правду сказать, столь же вѣрно и доблестно, какъ безопасность матеріальную охраняетъ войско. Но бѣда въ томъ, что мы мало объ этомъ думаемъ и слишкомъ слабо это признаемъ. Насъ гонять разные вѣтры либерализма и ре-

ализма въ бурное море бредней, сплетней, необузданныхъ стремленій въ области отвлеченой, благодаря чему русская отчизна страдаетъ отъ попытокъ вліять на умы тѣхъ, которые отъ нея отрываются. и въ этомъ скитаніи въ беспочвенной области мы не только не замѣчаемъ, что Россія держится въ духовномъ порядкѣ не столько полицією, сколько семьею тѣхъ разбросанныхъ по деревнямъ подвижниковъ долга, сельскихъ священниковъ, которые тихо, неслышно, со смиреніемъ, среди лишеній и тягостей, суть стражи прошлаго въ настоящемъ. но даже съ высокоумной и бессмысленной высотѣ нашего культурнаго самомнѣнія на эти подвиги нашего духовенства смотримъ не только съ равнодушіемъ, но подчасъ съ презрѣніемъ, находя этихъ пастырей народа недостаточно культурными, недостаточно похожими на польскаго ксендза или лютеранскаго пастора. Пусть будетъ такъ. пусть наше сельское духовенство менѣе культурно иновѣрныхъ и менѣе способно къ пропагандѣ, но зато у него есть сила, которая выше культуры, это—сила духа подвижничества, окрѣпшая подъ гнетомъ лишеній и трудностей матеріальной жизни, которая священника Щербаковскаго, съ крестомъ въ рукахъ ведущаго войско на смерть, дѣлаетъ роднымъ братомъ и однимъ изъ многихъ той семьи подвижниковъ героизма, гдѣ священникъ, терпя лишенія и униженія отъ насъ, съ тѣмъ же крестомъ въ рукахъ ведетъ рать своихъ прихожанъ къ себѣ и спасенію!..

„Нѣтъ, право. хороша народная нива,—заключаетъ Немировичъ,—на которой рождаются и растутъ такіе незамѣтные горюхи будничной страды. Вѣрится въ нихъ,—и когда теперь порою слышишь: нѣтъ у насъ людей, нѣтъ талантовъ, нѣтъ характеровъ, невольно улыбаешься въ отвѣтъ.---Не тамъ, господа, вы ихъ ищете, гдѣ надо..

Въ глубинахъ ждуть, — ударить вѣче, и они покажутся на великую общенародную святую страду и рукъ не сложать, какъ ихъ не складывали тѣ, а до конца доведуть разъ начатое. И на мало ихъ, — только никому не видны... До поры, до времени“.

Нѣтъ нужды прибавлять что-либо еще къ сказанному, въ особенности послѣ словъ В. И. Немировича-Данченко, который какъ извѣстно, никогда въ числѣ усердныхъ поклонниковъ русскаго духовенства не состоялъ.

